CIHM
Microfiche
Series
(Monographs)

ICMH
Collection de
microfiches
(monographies)

Canadian Institute for Historical Microreproductions / Institut canadien de microreproductions historiques

© 1998

The copy filmed here has been reproduced thanks to the generosity of:

University of Alberta
Edmonton

The images appearing here are the best quality possible considering the condition and legibility of the original copy and in keeping with the filming contract specifications.

Original copies in printed paper covers are filmed beginning with the front cover and ending on the last page with a printed or illustrated impression, or the back cover when appropriate. All other original copies are filmed beginning on the first page with a printed or illustrated impression, and ending on the last page with a printed or illustrated impression.

The last recorded frame on each microfiche shall contain the symbol ⟶ (meaning "CONTINUED"), or the symbol ▽ (meaning "END"), whichever applies.

Maps, plates, charts, etc., may be filmed at different reduction ratios. Those too large to be entirely included in one exposure are filmed beginning in the upper left hand corner, left to right and top to bottom, as many frames as required. The following diagrams illustrate the method:

L'exemplaire filmé fut reproduit grâce à la générosité de:

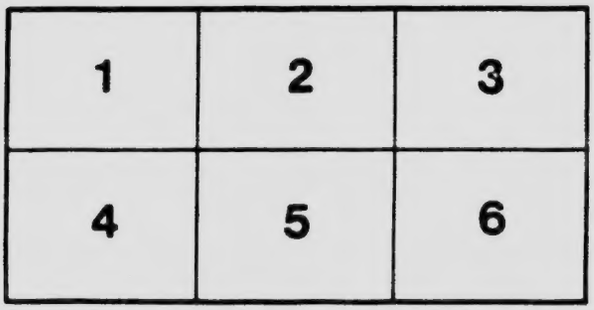
University of Alberta
Edmonton

Les images suivantes ont été reproduites avec le plus grand soin, compte tenu de la condition et de la netteté de l'exemplaire filmé, et en conformité avec les conditions du contrat de filmage.

Les exemplaires originaux dont la couverture en papier est imprimée sont filmés en commençant par le premier plat et en terminant soit par la dernière page qui comporte une empreinte d'impression ou d'illustration, soit par le second plat, selon le cas. Tous les autres exemplaires originaux sont filmés en commençant par la première page qui comporte une empreinte d'impression ou d'illustration et en terminant par la dernière page qui comporte une telle empreinte.

Un des symboles suivants apparaîtra sur la dernière image de chaque microfiche, selon le cas: le symbole ⟶ signifie "A SUIVRE", le symbole ▽ signifie "FIN".

Les cartes, planches, tableaux, etc., peuvent être filmés à des taux de réduction différents. Lorsque le document est trop grand pour être reproduit en un seul cliché, il est filmé à partir de l'angle supérieur gauche, de gauche à droite, et de haut en bas, en prenant le nombre d'images nécessaire. Les diagrammes suivants illustrent la méthode.



БИБЛІОТЕКА И. ГОРБУНОВА-ПОСАДОВА
ДЛЯ ДѢТЕЙ и ДЛЯ ЮНОШЕСТВА.

„RYTO"
Draugijos

PS
2801
P79
1906

По слѣдамъ оленя.

A 209 1613

Разсказъ изъ жизни американскихъ охотниковъ

Э. Сетонъ-Томпсона.

Переводъ съ англійскаго.

Съ 18 рисунками автора разсказа.

Допущено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Изданіе второе.

Типографія торговаго дома А. Печковскій, П. Буланже и К°.
Москва, Пантелеевскій пер., соб. д., № 53.
1906.

LTSR Valst.
Respublikinė
Biblioteka

167/77

Дозволено цензурою. Москва, 28 сентября 1905 года.

2845132

UNIVERSITY
OF ALBERTA LIBRARY

По слѣдамъ оленя.

I.

Стояла сильная жара. Янъ вышелъ на охоту за птицами и блуждалъ среди безконечныхъ лѣсныхъ зарослей и прогалинъ, покрывающихъ пустынную мѣстность вблизи Кербери, носящую названіе „Песчаныхъ холмовъ". Солнечные лучи нагрѣли воду въ многочисленныхъ болотистыхъ прудахъ, и Янъ направился къ „Роднику слѣдовъ", единственному мѣсту, гдѣ онъ могъ найти холодную воду.

На берегу родника его вниманіе привлекъ изящный слѣдъ маленькаго копыта, рѣзко оттиснутый на тинѣ,

Яну никогда раньше не приходилось видѣть подобныхъ слѣдовъ, тѣмъ не менѣе онъ вздрогнулъ отъ удовольствія, угадавъ, что это былъ слѣдъ дикаго оленя.

— Олени больше не водятся на этихъ холмахъ,— говорили Яну колонисты. Но когда выпалъ первый снѣгъ, Янъ, вспомнивъ о видѣнномъ имъ на берегу родника слѣдѣ оленьяго копыта, перекинулъ спокойно ружье за плечи и сказалъ себѣ:

— Я буду шататься по холмамъ каждый день, пока не убью оленя.

Янъ былъ высокій, крѣпкій двадцатилѣтній парень; онъ не могъ еще считаться заправскимъ охотникомъ, но онъ былъ неутомимымъ ходокомъ и отличался рѣдкою настойчивостью.

Неизмѣнно каждый день Янъ взбирался на холмъ, отыскивая оленя; каждый день ему приходилось отмѣривать десятки миль по снѣгу, и все же съ наступленіемъ ночи онъ возвращался въ свою избушку, не видавъ оленьяго слѣда.

Но терпѣніе все превозмогаетъ: послѣ долгихъ тяжелыхъ скитаній по южнымъ холмамъ Янъ наткнулся, наконецъ, на оленьи слѣды, — давніе и едва замѣтные, но несомнѣнные слѣды оленя!—и онъ снова вздрогнулъ отъ удовольствія, какъ лѣтомъ.

„На другомъ концѣ линіи этихъ слѣдовъ,—думалъ Янъ, — должно находиться животное, сдѣлавшее ихъ. Слѣды становятся все замѣтнѣе, и теперь встрѣча съ оленемъ лишь вопросъ времени“.

Сначала, благодаря неясности слѣдовъ, Янъ не могъ съ точностью опредѣлить направленіе, по которому бѣжалъ олень. Но вскорѣ онъ разглядѣлъ, что одна сторона слѣда была оттиснута глубже другой. Янъ рѣшилъ, что болѣе глубокіе оттиски сдѣланы передней частью копыта. Кромѣ того, онъ замѣтилъ, что разстояніе между слѣдами уменьшалось по мѣрѣ восхожденія на холмъ. Наконецъ, совершенно ясный оттискъ копыта на песчаной почвѣ разрѣшилъ всѣ его сомнѣнія. Янъ, охваченный волненіемъ, сопровождавшимся страннымъ ощущеніемъ покалыванія въ корняхъ волосъ,

быстро побѣжалъ по слѣду, несясь все впередъ и впередъ по трудному, утомительному пути, среди безчисленныхъ зарослей и холмовъ.

Оленьи слѣды становились все яснѣе и замѣтнѣе. Цѣлый день Янъ гнался по найденному слѣду, и къ ночи слѣдъ этотъ привелъ его къ мѣстности, расположенной вблизи его хижины. Теперь слѣды шли по знакомымъ мѣстамъ: они были видны позади лѣсопилки, на равнинѣ Митчелля, и вели прямо въ густой осокоревый лѣсъ.

Надвигалась ночь, и Яну пришлось прекратить

преслѣдованіе. Онъ находился всего въ семи миляхъ отъ своего жилища и черезъ часъ былъ уже дома.

Утромъ онъ снова былъ на слѣдахъ, но на этотъ разъ дѣло пошло труднѣе: вмѣсто прежняго слѣда Янъ наткнулся на массу новыхъ, перекрещивавшихся въ разныхъ направленіяхъ. Онъ все-таки бросился наудачу впередъ и вскорѣ нашелъ два такихъ свѣжихъ слѣда, что преслѣдованіе становилось столь же легкимъ, какъ вчера, и Янъ снова пустился по слѣду.

Нагнувшись и не поднимая головы, онъ все время внимательно присматривался къ слѣдамъ и поэтому былъ чрезвычайно пораженъ внезапнымъ появленіемъ двухъ сѣрыхъ животныхъ съ большими ушами, ускакавшихъ съ маленькой прогали-

ны, на которую вышелъ Янъ. Они вскочили на бывшую вблизи насыпь и, поворотивъ головы, глядѣли на Яна.

Какое поразительное зрѣлище представляли эти животныя! Они какъ бы парализовали Яна своими кроткими глазами, выраженіе которыхъ онъ скорѣе чувствовалъ, чѣмъ видѣлъ. Охотникъ понялъ, кто предъ нимъ. Вѣдь онъ цѣлыя недѣли страстно выжидалъ этой встрѣчи! И, несмотря на это, все-таки встрѣча оказалась неожиданной: всѣ его планы разсѣялись, какъ дымъ, и онъ стоялъ пораженный восторженнымъ удивленіемъ.

— О-о-о!—вырвался тихій вздохъ изъ его груди.

Въ то время, какъ Янъ глядѣлъ на оленей, они повернули головы, но Яну продолжало казаться, что онъ чувствуетъ ихъ взглядъ на себѣ.

Между тѣмъ олени, выбравъ болѣе ровное мѣсто, начали спрыгивать съ насыпи и снова вскакивать на нее, какъ будто забавляясь. Они, казалось, совсѣмъ забыли о Янѣ и, едва прикасаясь копытами земли, безъ всякаго видимаго усилія подпрыгивали на высоту шести-семи футовъ. Янъ стоялъ неподвижно, обвороженный странной игрой этихъ легконогихъ, покрытыхъ сѣрою шерстью созданій. Въ ихъ движеніяхъ не было замѣтно ни страха ни поспѣшности, и Янъ рѣшилъ наблюдать ихъ игру, пока они не начнутъ убѣгать.

„Вѣдь должны же они,—думалъ онъ, — въ концѣ концовъ испугаться и начать бѣжать тѣми гигантскими прыжками, о которыхъ онъ столько наслышался отъ старыхъ охотниковъ“.

И лишь замѣтивъ, что силуэты оленей дѣлаются все менѣе ясными, Янъ понялъ, что они уже

убѣгаютъ отъ него, что они уже спасаются отъ опасности.

Олени поднимались все выше и выше на холмъ; когда имъ приходилось огибать какой-либо крутой кряжъ скалы, тѣла ихъ граціозно изгибались; временами, когда передъ ними раскрывалась глубокая расщелина, которую нужно было перескочить,—казалось, что эти безкрылыя птицы на нѣсколько мгновеній повисали въ воздухѣ.

25.

Янъ не могъ оторвать глазъ отъ оленей, пока они не исчезли совсѣмъ; ему и въ голову не пришла мысль выстрѣлить по нимъ.

Когда олени скрылись, онъ подошелъ къ мѣсту, гдѣ онъ увидалъ ихъ впервые. На снѣгу виднѣлись отпечатки копытъ, но потомъ слѣдъ этотъ внезапно прерывался. Гдѣ же слѣдующій слѣдъ? Янъ осмотрѣлся кругомъ и къ своему удивленію нашелъ, что сначала слѣдъ отдѣлялся отъ другого пространствомъ въ 15 футовъ, но чѣмъ дальше пространство это все увеличивалось, и слѣды шли одинъ за другимъ, отдѣленные разстояніемъ въ 18, 20, 25 и иногда даже 30 футовъ. Значитъ, каждый изъ этихъ игривыхъ, сдѣланныхъ безъ

всякаго видимаго усилія прыжковъ покрывалъ пространство отъ 15 до 30 футовъ.

— Боже мой! Да вѣдь они вовсе не бѣгутъ, они летаютъ, лишь изрѣдка прикасаясь къ вершинамъ холмовъ своими изящными копытами! Я радъ, что они успѣли скрыться, — прошепталъ Янъ.—Мнѣ сегодня пришлось наблюдать такое зрѣлище, какого, вѣроятно, никто не видалъ. По крайней мѣрѣ, я никогда не слыхалъ ни о чемъ подобномъ!..

II.

Но съ наступленіемъ утра въ сердцѣ Яна снова проснулись старые волчьи инстинкты.

— Я долженъ опять отправиться на холмы, — сказалъ онъ себѣ, — снова найти слѣдъ и обратиться въ гончаго пса: я долженъ противопоставить мой умъ ихъ хитрости, мою силу — ихъ силѣ, а чтобы побѣдить ихъ быстроту, у меня вѣдь есть ружье!

Ахъ, какъ прекрасны были эти холмы, съ безконечными песчаными склонами, покрытые озерами, лѣсными зарослями и роскошными лугами! Дыханіе жизни трепетало въ каждомъ дуновеніи вѣтра: жизнь трепетала въ самомъ Янѣ: онъ былъ такъ молодъ, крѣпокъ и жизнерадостенъ!

— Вѣдь это лучшіе дни моей жизни,—говорилъ онъ себѣ;—вѣдь это золотые дни!

Такъ думалъ онъ тогда, а также вспоминалъ онъ объ этихъ дняхъ долгіе-долгіе годы спустя.

Цѣлый день Янъ волчьей рысью взбирался на холмы и спускался въ долины, вспугивая на своемъ пути бѣлыхъ зайцевъ и куропатокъ, не отводя глазъ отъ земли и неустанно отыскивая на снѣгу отпечатки оленьихъ слѣдовъ. Но такой снѣгъ помогъ оленямъ: онъ исчезъ, исчезли и слѣды.

Несмотря на это, Янъ слѣдующіе два дня снова бродилъ по холмамъ, но слѣды не давались ему. Проходила недѣля за недѣлей; много холодныхъ дней и морозныхъ ночей пришлось Яну провести на покрытыхъ снѣгомъ холмахъ. Иногда ему удавалось напасть на слѣдъ оленя, но въ большинствѣ случаевъ всѣ его поиски были безплодны: напрасно онъ бродилъ по пустыннымъ холмамъ и забирался въ глубь лѣсовъ, руководясь отрывочными указаніями дровосѣковъ. За все время этихъ странствованій ему лишь однажды удалось увидать силуэтъ оленя, граціозными прыжками взбиравшагося на вершину холма. А между тѣмъ въ окрестностяхъ ходили разсказы о появленіи въ лѣсу за лѣсопилкой громаднаго оленя. Яну не разъ случалось даже нападать на его слѣдъ, но самого оленя онъ не видалъ.

Между тѣмъ олени, напуганные долгимъ и упорнымъ преслѣдованіемъ, сдѣлались настолько робкими, что нечего было и думать объ успѣшной охотѣ за ними, такъ что охотничій сезонъ Яна являлся въ сущности длинною цѣпью неудачъ и разочарованій.

Но эти неудачи не огорчали его. Хотя Янъ возвращался съ охоты съ пустыми руками, тѣмъ

не менѣе онъ приносилъ съ собой лучшіе плоды охоты: любовное общеніе съ природой. Это чувство все болѣе и болѣе овладѣвало имъ, пока, наконецъ, каждый день этой безконечной охоты по слѣдамъ не превратился для него въ какое-то радостное тріумфальное шествіе.

III.

Прошелъ годъ. Наступилъ новый охотничій сезонъ, и Янъ почувствовалъ снова пробужденіе охотничьей страсти; страсть эта разгоралась яркимъ пламенемъ благодаря доходившимъ до него слухамъ.

Разсказывали, что на холмахъ появился громадный олень; его даже прозвали „оленемъ Песчаныхъ холмовъ“. Много ходило разсказовъ о его необычайной величинѣ и быстротѣ; о вѣнчавшихъ его голову громадныхъ вѣтвистыхъ рогахъ, мощныхъ, какъ бы вылитыхъ изъ бронзы, съ верхушками, блиставшими какъ слоновая кость.

Немудрено, что съ первымъ же выпавшимъ снѣгомъ Янъ отправился на охоту, сопровождаемый нѣсколькими товарищами, которыхъ онъ успѣлъ заразить своею страстью. Они подъѣхали въ саняхъ къ Сосновому холму и разошлись въ разныя стороны съ условіемъ встрѣтиться снова ко времени заката солнца. Окружавшіе холмъ заросли

изобиловали зайцами и тетеревами,—поэтому выстрѣлы слышались каждую минуту.

Но такъ какъ оленій слѣдъ не попадался вблизи холма, Янъ вышелъ изъ зарослей и направился къ долинѣ Кеннеди, гдѣ, по слухамъ, недавно видали громаднаго оленя.

Пройдя нѣсколько миль, онъ, дѣйствительно, напалъ на крупный оленій слѣдъ, который очень рѣзко отпечатался на снѣгу и прерывался громадными скачками. Янъ понялъ сразу, что предъ нимъ слѣдъ „оленя Песчаныхъ холмовъ", о которомъ ходило столько разсказовъ.

Охотникъ почувствовалъ внезапный приливъ силъ и, какъ волкъ, помчался по слѣду. Онъ снова ощутилъ то странное покалываніе въ корняхъ волосъ и въ спинѣ, которое ему приходилось испытывать и раньше; но теперь это ощущеніе проявилось съ особенной силой, и Янъ подумалъ, что, вѣроятно, подобное же ощущеніе поднимаетъ дыбомъ волоса на хребтѣ волка въ погонѣ за добычей.

Янъ бѣжалъ по открытому имъ слѣду, пока не начало темнѣть и ему пришлось возвратиться: назначенное охотниками мѣсто свиданія — Сосновый холмъ—лежалъ довольно далеко.

Янъ, впрочемъ, зналъ, что ему не удастся добраться до Сосноваго холма въ назначенный срокъ; товарищи едва ли будутъ ждать его такъ долго. Но это нимало не безпокоило его: онъ

обладалъ желѣзными ногами и выносливостью хорошей охотничьей собаки. Десять миль были для него пустякомъ: онъ могъ охотиться цѣлый день и, возвращаясь домой, не чувствовалъ ни малѣйшей усталости. Эти одинокія скитанія по пустыннымъ холмамъ наполняли его сердце какой-то дикой восторженной радостью.

Не заставъ товарищей на условленномъ мѣстѣ, Янъ даже обрадовался, почувствовавъ себя вполнѣ свободнымъ. Друзья, вѣроятно, сожалѣли о немъ, зная, что ему придется совершить утомительную и долгую прогулку. Но они не знали о томъ, что онъ находилъ на этихъ пустынныхъ холмахъ. Они не знали, что та основная цѣль жизни, къ которой они — да и всѣ люди на свѣтѣ — постоянно стремятся, насилуя свое тѣло, мозгъ, жертвуя своей свободой, а нерѣдко и жизнью,— что эта основная цѣль ежедневно достигалась юношей, блуждавшимъ по холмамъ.

Правда, Яна кругомъ обвѣвалъ леденящій суровый вѣтеръ, но въ самомъ Янѣ горѣлъ яркій огонь здоровой юности. Во время каждой изъ своихъ прогулокъ по холмамъ Янъ находилъ счастье, и онъ самъ сознавалъ это. Невольная улыбка показалась на его устахъ, когда онъ вспомнилъ о своихъ товарищахъ, которые въ это время возвращались на саняхъ домой, дрожа отъ холода и... сожалѣя о немъ.

О, какой чудный закатъ удалось ему видѣть въ этотъ день въ долинѣ Кеннеди: снѣгъ переливался багровыми лучами и высокіе тополи стояли облитые пурпурнымъ золотомъ! Какъ хороша была прогулка по быстро темнѣвшему лѣ-

су, когда наступили сумерки и на небѣ показалась луна!

— Это лучшіе дни моей жизни, — повторялъ онъ,—это мои золотые дни!

Приближаясь къ Сосновому холму, Янъ закричалъ громко и протяжно:

— У-р-р-р-а!

«Можетъ-быть, они еще тамъ», сказалъ онъ. Но, въ сущности, онъ издалъ этотъ крикъ, чтобы дать исходъ жизнерадостному чувству, переполнявшему все его существо.

Въ это время вмѣсто отклика товарищей до его слуха донесся отдаленный вой волковъ съ долины Кеннеди. Янъ, дурачась, издалъ отвѣтный вой, подражая волкамъ. Волки дружно отвѣтили ему, и на этотъ разъ, прислушавшись къ ихъ вою, онъ понялъ, что они собрались въ стаю и бѣгутъ по чьему-то слѣду. Такой вой они издаютъ обыкновенно лишь въ погонѣ за добычей. Вой слышался все ближе и ближе, повторяемый эхомъ окружавшаго Яна лѣса. Внезапно въ его головѣ мелькнула мысль:

„Вѣдь они на моемъ слѣду! Они гонятся *за мной*!“

Тропинка, по которой онъ шелъ, вилась теперь по небольшой прогалинкѣ. Въ такой холодъ было немыслимо спасаться на вершинѣ какого-либо дерева, и Янъ, выйдя на середину прогалины, сѣлъ на освѣщенномъ луной снѣгу, крѣпко сжимая одной рукой стволъ ружья и нащупывая другой патроны. Сердце его сжималось отъ новаго страшнаго ощущенія. Изъ лѣса доносился глубокій мелодическій вой... Все ближе и ближе... Но вотъ этотъ вой принялъ другой характеръ и за-

тѣмъ внезапно смолкъ. Благодаря лунѣ было свѣтло какъ днемъ: волки, вѣроятно, увидали Яна и остановились у края прогалины. Справа послышался трескъ вѣтки, слѣва — заглушенный вой, и затѣмъ снова настала тишина.

Янъ чувствовалъ, что онъ окруженъ, что волки слѣдятъ за нимъ, спрятавшись за деревьями. Но напрасно онъ напрягалъ зрѣніе, стараясь прицѣлиться: волки были умны и не показывались. Янъ тоже былъ уменъ и сидѣлъ спокойно; стоило ему побѣжать, и стая бросилась бы на него.

Вѣроятно, это была небольшая стая, рѣшившая на своемъ военномъ совѣтѣ оставить Яна въ покоѣ. Прождавъ около двадцати минутъ, Янъ поднялся и отправился домой.

На пути домой онъ подумалъ:

„Ну, теперь я знаю, что долженъ чувствовать олень, когда онъ слышитъ за собой звуки шаговъ и щелканье взводимаго курка“.

Много морозныхъ дней и суровыхъ зимнихъ ночей провелъ Янъ на Песчаныхъ холмахъ и изучилъ ихъ до мельчайшихъ подробностей. Онъ понялъ, почему олени избѣгаютъ тамариндовыхъ деревьевъ и почему ихъ слѣды такъ многочисленны вблизи дубовъ. Онъ понялъ, что шепчетъ высохшій тростникъ, склоняясь къ снѣгу. Онъ узналъ, какъ живетъ подо льдомъ мускусная мышь, и зачѣмъ выдра спускается съ холмовъ, и что говоритъ ледъ, звеня и раскалываясь въ морозныя ночи. Бѣлки научили его, какъ очищать сосновыя шишки и какіе грибы можно безъ страха употреблять въ пищу. Онъ узналъ, зачѣмъ куропатка зарывается въ снѣгъ и зачѣмъ у лисы такой громадный хвостъ.

Природа открывала ему свои тайны. Онъ изучилъ всѣ окрестные пруды, лѣса и холмы. Онъ узналъ тысячи охотничьихъ секретовъ, но олень все не давался ему въ руки.

Янъ исходилъ сотни миль по запутаннымъ тропинкамъ, иногда нападая на слѣды, иногда теряя ихъ, но все время неутомимо преслѣдуя поставленную предъ собою цѣль. Надежда не покидала его, потому что въ своихъ странствованіяхъ онъ все-таки нерѣдко натыкался на слѣдъ гигантскаго „оленя Песчаныхъ холмовъ“.

IV.

Охотничій сезонъ уже близился къ концу, когда Янъ въ одно морозное утро отправился въ большой сосновый лѣсъ. На пути ему встрѣтился дровосѣкъ, разсказавшій Яну о своей встрѣчѣ въ лѣсу съ ланью и гигантскимъ оленемъ, у котораго, по словамъ дровосѣка, „былъ цѣлый лѣсъ роговъ на головѣ“.

Янъ отправился прямо къ указанному ему дровосѣкомъ лѣсу и, дѣйствительно, вскорѣ напалъ на слѣды; одинъ изъ нихъ напоминалъ слѣдъ, который Янъ когда-то видалъ у ручья, другой — громадный слѣдъ — несомнѣнно принадлежалъ оленю Песчаныхъ холмовъ.

Въ Янѣ снова пробудился звѣрь: онъ готовъ былъ завыть, подобно волку, напавшему на горячій слѣдъ.

Слѣды шли чрезъ лѣса и холмы, и по нимъ мчался Янъ, или скорѣе волкъ, въ котораго превратился охотникъ.

Цѣлый день волкъ гнался по слѣдамъ и съ изощренною наблюдательностью отмѣчалъ каждую мелочь, радуясь, что слѣды на этотъ разъ не прерывались скачками и отпечатывались особенно рѣзко на мягкомъ снѣгу.

Освободясь отъ излишней одежды и мѣшавшихъ ему вещей, Янъ безшумно подвигался впередъ и впередъ, какъ змѣя, напавшая на слѣдъ зайца. Весь день олени кружились, переходя съ мѣста на мѣсто въ поискахъ за пищей и лишь изрѣдка останавливаясь, чтобы съѣсть немного снѣга, замѣнявшаго имъ воду.

Внезапно вдали отъ того мѣста, гдѣ былъ Янъ, что-то мелькнуло среди кустарниковъ.

„Можетъ-быть, это птица“, подумалъ Янъ, притаившись и внимательно всматриваясь. На сѣромъ фонѣ кустарниковъ немного выдѣлялся какой-то сѣрый предметъ, и Яну сначала показалось, что это просто бревно, на одномъ концѣ котораго поднимались суковатыя вѣтви. Но вотъ сѣрое пятно, привлекавшее вниманіе Яна, шевельнулось, суковатыя вѣтви на мгновеніе поднялись выше, и Янъ задрожалъ... Ему сразу стало ясно, что это сѣрое пятно въ кустарникахъ — олень, олень Песчаныхъ холмовъ!..

Какъ онъ былъ величественъ и полонъ жизни! Янъ глядѣлъ на него съ благоговѣйнымъ восторгомъ: это былъ король, облеченный въ мѣховую мантію, съ пышной короной роговъ на головѣ. Стрѣлять въ него теперь, когда онъ отдыхалъ, не подозрѣвая опасности, было страшнымъ преступленіемъ... Но Янъ вѣдь жаждалъ этой встрѣчи цѣлые мѣсяцы. Предъ нимъ былъ предметъ

его страстныхъ исканій, и Янъ долженъ былъ стрѣлять.

Душевное волненіе росло съ каждымъ мгновеніемъ, — и нервы Яна не выдержали: поднятое ружье задрожало въ его рукахъ, онъ не могъ хорошо прицѣлиться. Дыханіе его дѣлалось прерывистымъ, Янъ почти задыхался: вѣдь все зависѣло отъ того момента, когда онъ нажметъ курокъ!

Янъ опустилъ наведенное ружье... Все его тѣло конвульсивно вздрагивало отъ волненія. Прошло нѣсколько мгновеній, и Янъ снова овладѣлъ собой: его рука не дрожала больше, глаза ясно различали цѣль. И чего онъ такъ волнуется, — вѣдь предъ нимъ всего лишь олень!..

Но въ это мгновеніе олень повернулъ голову, и Янъ ясно различилъ его задумчивые глаза, большія уши и ноздри.

«Неужели ты рѣшишься убить меня?» — казалось, говорилъ этотъ безоружный король, когда его взглядъ остановился на Янѣ. Янъ снова растерялся... Но его тѣлу пробѣжала дрожь... Но Янъ зналъ, что это лишь „охотничья лихорадка“, и онъ въ ту минуту презиралъ это ощущеніе, хоть позже научился уважать его.

Наконецъ, волкъ, сидѣвшій внутри Яна, заставилъ его выстрѣлить.

Выстрѣлъ былъ неудаченъ. Олень вскочилъ, — возлѣ него показалась лань. Другой выстрѣлъ — опять неудачный... Вслѣдъ затѣмъ цѣлый рядъ выстрѣловъ... Но олени уже успѣли скрыться, быстро спрыгивая съ одного низкаго холма на другой.

V.

Янъ еще нѣкоторое время гнался по слѣду убѣжавшихъ оленей, скрежеща зубами при мысли, что ему не удалось даже ранить ихъ, такъ какъ на слѣдахъ не было крови.

Пройдя около мили, Янъ напалъ на новый слѣдъ, который привелъ его еще въ большее раздраженіе,—это былъ отпечатокъ мокассина, слѣдъ индѣйца. Янъ, исполненный злобнаго чувства, пошелъ по этому новому слѣду и, поднимаясь на холмъ, увидалъ рослую фигуру индѣйскаго охотника, поднявшагося съ поваленнаго ствола дерева, на которомъ онъ сидѣлъ, и миролюбиво махавшаго ему рукой.

— Кто ты?—грубо спросилъ его Янъ.

— Часка.

— Что ты дѣлаешь въ нашей странѣ?

— Это прежде была моя страна, — сурово отвѣтилъ индѣецъ.

— Но вѣдь это мои олени,—задумчиво сказалъ Янъ.

— Дикіе олени не принадлежатъ никому, пока они не убиты.

— Во всякомъ случаѣ я бы совѣтовалъ тебѣ держаться подальше отъ слѣдовъ, по которымъ я гонюсь.

— Я не боюсь тебя,—отвѣтилъ индѣецъ и махнулъ рукой, очерчивая лежавшее передъ нимъ пространство. — Не стоитъ ссориться, — сказалъ онъ:—хорошій охотникъ всегда найдетъ оленей.

Въ концѣ концовъ Янъ провелъ нѣсколько дней съ Чаской, и если ему не удалось убить оленя,

зато онъ научился отъ Часки многимъ охотничьимъ сноровкамъ индѣйцевъ. Такъ, индѣецъ научилъ его никогда не гнаться по слѣдамъ оленей по холмамъ, потому что олени часто нарочно взбираются на холмы, чтобы увидать съ нихъ, не гонятся ли за ними. Онъ научилъ его, какъ различать по внѣшнему виду слѣда, далеко ли ушелъ олень, его размѣры; онъ указалъ ему, что не слѣдуетъ гнаться по слѣду, когда олень вблизи. Онъ научилъ его опредѣлять направленіе вѣтра, поднявъ наслюненный палецъ вверхъ, и Янъ при этомъ невольно подумалъ:

„Теперь я знаю, почему носъ оленя всегда влаженъ“.

Часка указалъ ему также на то, что часто успѣхъ охоты зависитъ исключительно отъ терпѣливаго выжиданія. Онъ научилъ его охотничьей походкѣ, при которой каждый шагъ покрываетъ большее пространство, не говоря уже о томъ, что такой способъ хожденія облегчаетъ охотнику возвращеніе назадъ по собственному слѣду, какъ бы ни былъ глубокъ снѣгъ.

Иногда они охотились вмѣстѣ, иногда отдѣльно другъ отъ друга. Однажды, когда Янъ охотился отдѣльно отъ Часки, ему удалось напасть на оленій слѣдъ въ заросляхъ возлѣ озера, носящаго теперь имя „озера Часки“. Слѣдъ былъ свѣжъ. Внимательно прислушивавшемуся Яну почудился трескъ въ кустарникахъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ увидалъ, какъ покачнулась вѣтка. Янъ поднялъ ружье и прицѣлился, выжидая лишь новаго движенія въ кустарникахъ, чтобы выстрѣлить. Дѣйствительно, спустя нѣсколько секундъ среди вѣтвей мельк-

нула какая-то сѣрая фигура, и Янъ былъ уже готовъ нажать пружину курка, какъ вдругъ былъ остановленъ появленіемъ какого-то краснаго пятна, двигавшагося одновременно съ неясной сѣрой фигурой.

Прошло еще нѣсколько мгновеній, и изъ кустарниковъ вышелъ Часка.

— Часка!—вскрикнулъ взволнованно Янъ. — Я вѣдь чуть-чуть не выстрѣлилъ въ тебя!

Индѣецъ, вмѣсто отвѣта, лишь указалъ пальцемъ на красный платокъ, которымъ была повязана его голова. Теперь лишь Янъ понялъ, почему охотники-индѣйцы всегда повязываютъ голову краснымъ платкомъ и съ этихъ поръ самъ началъ прибѣгать къ этой мѣрѣ предосторожности во время охоты.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого случая, они увидали стаю луговыхъ куропатокъ, летѣвшихъ по направленію къ сосновому лѣсу. Вскорѣ вслѣдъ за ними потянулись другія стаи. Часка внимательно поглядѣлъ на нихъ и сказалъ:

— Куропатки прячутся въ лѣсъ. Надо ждать мороза.

Дѣйствительно, весь слѣдующій день охотникамъ пришлось провести у костра.

На слѣдующій день морозъ былъ еще суровѣе, и лишь день спустя они смогли снова начать охотиться. Но Часкѣ не повезло: благодаря паденію, онъ сломалъ ружье и, встрѣтясь вечеромъ съ Яномъ у костра, долго молчаливо ку-

рилъ свою трубку и внезапно прервалъ молчаніе вопросомъ:

— Охотился ли ты когда-нибудь въ Мышиныхъ горкахъ?

— Нѣтъ.

— Хорошая охота... Пойдемъ туда.

Янъ отрицательно покачалъ головой.

Поглядѣвъ на западъ, индѣецъ сказалъ:

— Сегодня видѣлъ слѣды Сіу... Плохая охота здѣсь теперь...

И Янъ понялъ, что Часка пришелъ къ неизмѣнному рѣшенію. Онъ исчезъ, и Яну никогда больше не пришлось встрѣтиться съ нимъ. Единственное воспоминаніе о Часкѣ сохранилось въ имени одинокаго озера, лежавшаго среди Керберійскихъ холмовъ и называемаго „озеромъ Часки“.

VI.

„Возлѣ Кербери показалась масса оленей; недавно видали огромнаго оленя между долиной Кеннеди и лѣсопилкой“.

Такія свѣдѣнія, между прочимъ, заключались въ письмѣ, полученномъ Яномъ, уѣхавшимъ на западъ, гдѣ ему пришлось вести монотонную жизнь, совсѣмъ не отвѣчавшую его вкусамъ.

Письмо было получено въ началѣ охотничьяго сезона, когда Яномъ и безъ того начали овладѣвать приступы охотничьей лихорадки. Если раньше онъ еще колебался, то это письмо было послѣднимъ толчкомъ, прекратившимъ колебанія. Вскорѣ желѣзный конь уносилъ его къ роднымъ холмамъ; затѣмъ нѣсколько часовъ верховой ѣзды,—и онъ былъ дома. И снова начались безконечныя охотничьи прогулки.

Вскорѣ до него дошла вѣсть, что вблизи одного озера, лежавшаго далеко на западной сторонѣ, видали оленье стадо, состоявшее изъ семи оленей, при чемъ ихъ вожакъ отличался колоссальными размѣрами.

Янъ, вмѣстѣ съ тремя другими охотниками, отправился въ саняхъ къ дальнему озеру. Охотники вскорѣ напали на оленьи слѣды: шесть изъ нихъ были различныхъ размѣровъ, седьмой же, очень крупный, несомнѣнно принадлежалъ знаменитому „оленю Песчаныхъ холмовъ“.

Какъ властно заговорилъ въ этихъ людяхъ кровожадный дикарь каменнаго вѣка, несмотря на обманчивую оболочку культуры! Съ какими жадными, горящими глазами пустились они по слѣдамъ!

Уже приближалась ночь. Они настигли стадо. Несмотря на настойчивыя требованія Яна, товарищи его не хотѣли оставить саней.

Вскорѣ на вершинѣ снѣжнаго холма они нашли свѣжіе слѣды. Очевидно, олени стояли здѣсь, обернувшись къ охотникамъ, а затѣмъ бросились въ разныя стороны. Прыжки ихъ достигали разстоянія въ двадцать пять футовъ. Звѣря все-таки не увидали, хотя и шли дальше по слѣдамъ.

LIETUVIŲ GIMNAZIJA VILNIUJE
„RYTO"
Draugijos

Ночь застигла охотниковъ, и они поспѣшно устроили привалъ среди снѣговъ.

Утромъ погоня продолжалась. Они пришли къ мѣсту ночевки оленей: семь темныхъ, оттаявшихъ ямокъ ясно говорили, что тутъ лежали животныя.

Янъ настоялъ на томъ, чтобы сани были оставлены. Онъ замѣтилъ, что слѣды ведутъ къ большому лѣсу; глухарь, съ крикомъ поднявшійся надъ деревьями, свидѣтельствовалъ о томъ, что олени пробирались сквозь чащу.

Янъ предложилъ охотникамъ общій планъ дѣйствій, но товарищи его въ своемъ нетерпѣніи не хотѣли его слушать. Итакъ, всѣ раздѣлились на двѣ партіи: двое пошли въ одну сторону, двое въ другую.

Янъ со своимъ товарищемъ Дуффомъ вскорѣ напалъ на слѣды двухъ оленей. Не могло быть сомнѣнія въ томъ, что одинъ изъ нихъ именно тотъ великанъ-вожакъ, который уже два года не давалъ покоя Яну.

Они настигли животныхъ въ лѣсной чащѣ, но еще мгновеніе—и олени исчезли, разбѣжались въ разныя стороны. Янъ велѣлъ Дуффу преслѣдовать лань, а самъ поспѣшилъ въ ту сторону, куда скрылся олень-исполинъ.

Солнце склонилось. Янъ находился въ неизвѣстной ему мѣстности, кое-гдѣ поросшей лѣсомъ. Онъ угналъ оленя далеко отъ привычныхъ его мѣстъ. Звѣрь былъ уже близокъ, и Янъ ожидалъ, что вотъ-вотъ онъ увидитъ его, какъ вдругъ вдали раздался выстрѣлъ, затѣмъ другой,— и олень спасся отъ охотника безумно стремительными

прыжками. Догнать его было немыслимо. Онъ могъ мчаться съ такою быстротою очень долго.

Янъ вернулся и скоро нашелъ товарища. Дуффъ выстрѣлилъ два раза въ лань. Онъ говорилъ, что навѣрно попалъ въ нее во второй разъ. Итакъ, они отправились по слѣдамъ лани.

Въ полумилѣ они замѣтили на слѣдахъ кровь; но потомъ опять ничего не было видно, а слѣды стали какъ будто больше и явственнѣе. Поднималась метель, снѣгъ заметалъ ихъ; все же Янъ успѣлъ разобрать, что то были уже слѣды не раненой лани, а оленя, ея рогатаго друга. Надо было удостовѣриться, разрѣшить сомнѣніе: пришлось возвращаться обратно по слѣдамъ. Да,— Янъ былъ правъ. Больной олень прибѣгъ на этотъ разъ къ той старой уловкѣ преслѣдуемаго звѣря, которую хорошо знаютъ опытные охотники: онъ искусно возвратился по своимъ слѣдамъ къ раненой подругѣ, чтобы спасти ее, чтобы дать ей возможность скрыться стороною, въ противоположномъ направленіи.

Охотники не поддались обману. Они разыскали слѣды раненаго животнаго и, какъ жадные волки, устремились дальше.

Олень, увидѣвъ, что его попытка отвлечь вниманіе преслѣдователей оказалась неуспѣшной, вернулся къ своей подругѣ. На закатѣ охотники увидѣли ихъ, пробирающихся вмѣстѣ по снѣжному склону холмовъ. Лань шла медленно, низко опустивъ голову. Ея товарищъ тревожно бѣжалъ впередъ, какъ будто не понимая, почему она отстаетъ; потомъ возвращался къ ней и ласково лизалъ ее, какъ будто приглашалъ поспѣшить.

Но охотники уже настигли ихъ. Завидѣвъ враговъ, олень потрясъ рогами, сталъ метаться туда и сюда и, наконецъ, умчался, какъ будто сознавая, что защита и борьба были бы безполезны.

Когда люди подошли, лань сдѣлала усиліе, чтобы подняться; но слабость ея была такъ велика, что она тутъ же свалилась. Дуффъ вынулъ ножъ. Яну раньше никогда не случалось думать о томъ, для чего собственно у него и у всѣхъ охотниковъ за поясомъ длинный ножъ. Бѣдная лань обратила къ своимъ врагамъ большіе, блестящіе глаза. Въ нихъ стояли слезы. Но она не стонала, не испустила ни единаго крика. Янъ отвернулся, закрылъ лицо руками; Дуффъ съ ножомъ подошелъ къ лани и совершилъ ужасное дѣло, что-то такое, чего нельзя высказать словами...

Янъ оцѣпенѣлъ. Дуффъ позвалъ его. Онъ медленно обернулся.

Подруга великана-оленя лежала безъ движенія на снѣгу. Когда они стали уходить, вдали мелькнула какая-то большая тѣнь и скрылась за холмами.

Черезъ часъ люди пришли съ санями и подняли убитую лань съ покраснѣвшаго отъ ея крови снѣга. Кругомъ на снѣгу они увидѣли свѣжіе, крупные слѣды, и снова вдали, на бѣлѣющихъ холмахъ, въ темнотѣ ночи мелькнула и скрылась большая и темная тѣнь.

Какія печальныя, тяжелыя думы тѣснились въ эту ночь въ головѣ Яна при свѣтѣ костра! *Человѣкъ* проснулся въ немъ и язвилъ и упрекалъ кровожаднаго звѣря! Такъ *это* называется охотою?.. Къ *этому* онъ стремился?.. Послѣ долгихъ дней возбужденія, послѣ цѣлаго ряда неудачъ (благо-

словенныхъ неудачъ!) онъ достигъ-таки желанной цѣли, — прекрасное, измученное животное было обращено въ окровавленный, отвратительный трупъ...

VII.

Но впечатлѣнія ночи разсѣялись съ наступленіемъ утра. Надъ холмами раздавался протяжный вой, и Янъ прислушивался къ нему. Его угнетала мысль, что, быть-можетъ, волкъ выслѣживаетъ оставленнаго имъ звѣря.

Компанія охотниковъ отправилась къ ближней усадьбѣ. Янъ придумывалъ, подъ какимъ бы предлогомъ ему остаться одному? Снова попался имъ на пути свѣжій слѣдъ оленя-великана, и юноша не вытерпѣлъ: онъ весь загорѣлся жаждою преслѣдованія.

— Я долженъ еще разъ увидѣть его, — твердилъ онъ про себя.

Остальнымъ надоѣло мерзнуть на трескучемъ морозѣ. Янъ взялъ себѣ изъ общихъ припасовъ маленькій чугунъ, одѣяло, кое-что изъ съѣстного и разстался съ товарищами.

— Прощайте! — крикнулъ онъ, уходя.

— Желаемъ удачи!

Сани и охотники скрылись изъ виду на холмистой равнинѣ. Янъ былъ одинъ. Никогда еще не испытывалъ онъ такого остраго чувства одиночества. Онъ скитался и прежде недѣли и мѣсяцы въ пустынныхъ мѣстахъ одинъ-одинешенекъ, безъ товарищей, но никогда не страдалъ такъ, какъ теперь. Тяжелое чувство угнетало его. Сердце сжималось, когда онъ окидывалъ взоромъ безко-

нечную, нѣмую снѣжную пустыню. Онъ готовъ былъ побѣжать за товарищами, окликнуть ихъ, но гордость остановила его.

Потомъ они скрылись изъ виду, было поздно бѣжать за ними или звать ихъ. И потомъ онъ зашагалъ по слѣдамъ оленя,—по этой безконечной, не дававшей ему покоя цѣпи слѣдовъ, во власти которыхъ онъ находился въ продолженіе двухъ лѣтъ. Эти слѣды покрыли своею легкою, запутанною сѣтью всѣ окрестные холмы и поля, и если

бы человѣкъ могъ разобрать ихъ, то передъ нимъ раскрылась бы нѣмая повѣсть цѣлой жизни, скитальческой жизни звѣря. Если бы человѣкъ могъ уловить, разгадать эти слѣды, то онъ нашелъ бы въ нихъ порою повѣсть ужасной встрѣчи съ лютымъ врагомъ, разсказъ объ отчаянной битвѣ, въ которой звѣрь окончилъ свое существованіе.

Еще не такъ давно,—когда человѣкъ былъ занятъ единственною мыслью о пищѣ,—онъ гораздо искуснѣе выслѣживалъ звѣря, и звѣриные слѣды были для него путемъ къ сытному обѣду. Потому и до сихъ поръ при видѣ слѣдовъ звѣря въ душѣ человѣка просыпается смутное желаніе

отыскать его, овладѣть имъ, просыпается дикій инстинктъ первобытнаго охотника.

Янъ снова поддался этому неодолимому, темному чувству и устремился въ поиски за оленемъ.

Къ вечеру онъ достигъ густой осиновой чащи. Янъ зналъ, что олень расположится здѣсь на ночлегъ. Поэтому онъ съ величайшею осторожностью, тихонько крадучись, сталъ пробираться между деревьями.

Но уловки его не привели ни къ чему. Олень замѣтилъ преслѣдованіе и успѣлъ скрыться.

Досада и отчаяніе овладѣли Яномъ. Нужно было ночевать въ лѣсу въ вѣтеръ и стужу.

Ночь была морозная и темная. Онъ выбралъ защищенное отъ вѣтра мѣстечко и развелъ костеръ.

Потомъ онъ улегся, свернулся, накрывшись одѣяломъ, и пожалѣлъ, что природа не дала ему теплой шкуры, какъ у лисы, и ея пушистаго хвоста, которымъ можно было бы прикрыть озябшія руки и ноги.

Деревья и земля трещали отъ мороза. Самыя звѣзды въ небѣ, казалось, звенѣли отъ холода. На ближнемъ озерѣ то и дѣло раздавался трескъ: ледъ давалъ трещины у береговъ. Надъ озеромъ и надъ лѣсомъ дулъ студеный вѣтеръ, который обжигалъ лицо.

Волкъ издали подкрался къ огню, но не подошелъ близко и только жалобно повылъ и снова исчезъ.

Къ утру сдѣлалось потеплѣе, повалилъ снѣгъ. Онъ засыпалъ слѣды оленя.

Янъ не зналъ, гдѣ онъ находится. Побродивъ безъ цѣли по лѣсу, онъ рѣшился итти по направленію къ сосновому роднику. Но какъ было найти туда дорогу? Снѣгъ кружился въ воздухѣ, слѣпилъ глаза, кололъ лицо, застилалъ всѣ окрестности. Ближайшіе предметы заволокло дымкою, а вдали все было окутано бѣлой мглою.

Тогда онъ разыскалъ въ чащѣ осиноваго лѣса, подъ снѣгомъ, засохшій стволъ растенія, извѣстнаго подъ названіемъ „золотого корня". Это растеніе имѣетъ свойство тянуться всегда въ сторону сѣвера. Итакъ, по сухому его стволу Янъ могъ теперь опредѣлить, гдѣ находится. Тогда онъ направился къ юго-востоку, гдѣ, какъ онъ зналъ, протекалъ Сосновый родникъ. И каждый разъ, когда ему казалось, что онъ сбился съ пути, онъ раскапывалъ снѣгъ, разыскивалъ золотой корень и по его направленію опредѣлялъ сѣверъ.

Наконецъ, онъ вышелъ изъ лѣсу и увидѣлъ вдали Сосновый родникъ.

Янъ провелъ день въ безплодныхъ поискахъ оленьяго слѣда. Ночью онъ снова развелъ огонь и снова пожалѣлъ, что судьба не наградила его теплой пушистой шерстью. Въ первую ночь онъ отморозилъ себѣ щеки и пальцы на ногахъ: отмороженныя мѣста болѣли и горѣли. Но Янъ и не помышлялъ о возвращеніи домой. Тайная надежда, что онъ въ этотъ разъ выслѣдитъ оленя, удерживала его въ пустынѣ.

На другое утро какое-то странное, непонятное предчувствіе заставило его блуждать по пустын-

ной равнинѣ, гдѣ не могло быть слѣдовъ оленя. И что же! Онъ внезапно увидѣлъ передъ собою ложбину, гдѣ, очевидно, ночевали олени. Шесть потемнѣвшихъ ямокъ, еще не занесенныхъ снѣгомъ, говорили о ночевкѣ большого оленя и его семьи.

Не успѣлъ Янъ пройти и полверсты, какъ изъ-за длинной гряды холмовъ, окутанныхъ туманомъ, выглянуло пять темныхъ головъ съ приподнятыми ушами, и показался вожакъ съ великолѣпными

вѣтвистыми рогами. Это видѣніе мелькнуло и скрылось. Янъ не успѣлъ прицѣлиться, какъ животныя разбѣжались и исчезли за холмами.

Большой олень собралъ свою семью и бродилъ съ нею по снѣжнымъ холмамъ, когда завидѣлъ своего врага. И тогда онъ подалъ знакъ—разсыпаться по долинѣ, и всѣ мгновенно умчались въ разныя стороны.

Яну хотѣлось только одного—настигнуть ихъ вожака. Онъ направился къ узкой ложбинѣ, поросшей кустарникомъ и высокими лозинами, гдѣ протекалъ Сосновый родникъ.

— Онъ здѣсь, онъ скрывается тутъ и сторожитъ меня, но я его поймаю,—твердилъ Янъ.

Онъ не сводилъ глазъ съ чащи. Черезъ полчаса темная тѣнь отдѣлилась отъ лозинъ и осторожно

взобралась на холмистую гряду. Когда олень исчезъ изъ виду, Янъ быстро пересѣкъ равнину и, обойдя ее, устремился навстрѣчу звѣрю. Но олень оказался дальновиднѣе охотника. Онъ угадалъ его обходъ и успѣлъ умчаться по прежнимъ своимъ слѣдамъ.

Олень хорошо понималъ, что дѣло идетъ о его жизни. Самый сильный и быстрый въ бѣгѣ олень ослабѣваетъ, если погоня продолжается нѣсколько дней сряду. Неутомимый охотникъ можетъ дождаться той минуты, когда звѣрь выбьется изъ силъ и самъ дастся ему въ руки.

Итакъ, Янъ преслѣдовалъ его безъ устали по снѣжнымъ полямъ и холмамъ. Олень обманывалъ его, возвращался по своимъ слѣдамъ, скрывался въ чащѣ съ подвѣтренной стороны, чтобы учуять приближающагося охотника задолго до того времени, какъ его глаза различатъ его въ чащѣ. Звѣрь обманывалъ человѣка, водилъ его туда и сюда, внезапно исчезалъ, задавалъ ему неразрѣшимыя загадки. Но Янъ съ какимъ-то ожесточеніемъ выслѣживалъ его, распутывалъ его хитрости, разыскивалъ настоящій слѣдъ.

И большой олень выбился, наконецъ, изъ силъ, измучился до того, что не могъ уже ни ѣсть ни спать; въ ужасѣ отъ неумолимаго преслѣдованія онъ ослабѣлъ и изнемогъ, и прыжки его стали меньше,—онъ готовъ былъ сдаться врагу.

VIII.

Наконецъ, олень и охотникъ очутились въ небольшомъ лѣсу, со всѣхъ сторонъ окруженномъ

болотами. Три дороги вели въ этотъ лѣсъ, который, казалось, былъ предназначенъ для послѣдней, страшной встрѣчи оленя и Яна.

Осторожно прокрался Янъ по второй тропѣ, снялъ съ себя кафтанъ и поясъ, повѣсилъ на кустъ, а самъ пробрался назадъ къ болоту и, съ величайшими предосторожностями, боясь хрустнуть вѣткой, побрелъ по третьей дорогѣ и спрятался въ кустахъ. Немного погодя, онъ тихо свистнулъ, какъ свиститъ птица сойка при приближеніи опасности.

Олени всегда слѣдятъ за крикомъ сойки. Изъ своей засады Янъ видѣлъ, какъ большой олень, настороживъ уши, пробирался на пригорокъ, чтобъ осмотрѣться. Тихій свистъ Яна превратилъ его въ неподвижную статую. Но кусты и деревья загораживали его.

Олень постоялъ нѣсколько минутъ, втягивая ноздрями воздухъ и вглядываясь въ даль. Онъ былъ обращенъ спиною къ Яну и, очевидно, не подозрѣвалъ его близости. Вѣтеръ зашевелилъ рукава кафтана на кустѣ. Олень быстро спустился съ пригорка и, неслышно ступая между деревьями, тихо, безшумно исчезъ.

Янъ напрягалъ свой слухъ до послѣдней степени, чтобы уловить, куда онъ ушелъ. Онъ весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, всѣ жилки въ немъ трепетали, сердце стучало, въ рукѣ было готовое ружье.

Онъ тихо, осторожно приподнялся, и въ то же мгновеніе въ трехъ саженяхъ отъ него такъ же тихо поднялся, словно выросъ изъ земли, большой олень, олень Песчаныхъ холмовъ!

Пара великолѣпныхъ темныхъ глазъ смотрѣла на Яна; вѣтвистые рога увѣнчивали истинно-царственную голову; стройное тѣло стояло неподвижно, словно окаменѣло.

Янъ и олень Песчаныхъ холмовъ встрѣтились, наконецъ, лицомъ къ лицу. Жизнь его была теперь въ рукахъ Яна.

Олень стоялъ, какъ изваяніе, онъ стоялъ и смотрѣлъ прямо въ глаза Яну своими большими, ясными, правдивыми глазами.

Ружье дрогнуло въ рукѣ Яна. Онъ поднялъ его и снова опустилъ, потому что олень не сводилъ съ него своего яснаго взора, стоялъ неподвижно и смотрѣлъ на него.

И Янъ тогда почувствовалъ, что волненіе его утихаетъ, что зубы уже не стучатъ у него, что въ немъ разливается какое-то спокойствіе и радость.

«Стрѣляй, стрѣляй скорѣй! Вѣдь ты этого добивался!»— говорилъ въ немъ какой-то голосъ, но голосъ этотъ звучалъ такъ неувѣренно, такъ слабо...

И Янъ вспомнилъ одну страшную ночь, когда его преслѣдовала стая волковъ, когда онъ, изнемогая отъ усталости, въ ужасѣ ждалъ ихъ приближенія; онъ вспомнилъ убитую лань и снѣгъ, обагренный ея кровью,—кровью преступнаго убійства. Ему вспомнились глаза умирающей лани, ея робкій, умоляющій взглядъ, которымъ она какъ будто хотѣла сказать: „Какое зло вамъ сдѣлала?“

Мысль объ убійствѣ казалась теперь невозможной. Янъ смотрѣлъ на оленя, и олень не сводилъ съ него своихъ умныхъ, ясныхъ глазъ. Казалось, они читали въ глазахъ и сердцахъ другъ у друга.

Не могъ Янъ отнять у него жизни, и то, что давно уже зарождалось въ его душѣ, что незамѣтно въ ней укрѣплялось и зрѣло, заговорило вдругъ властно и громко.

Этотъ голосъ говорилъ:

„Бѣдное, чудное животное! Какой-то мудрецъ говорилъ, что душа выражается и становится видимой въ тѣлѣ; такъ неужели душа твоя такъ прекрасна, какъ твое дивное, стройное тѣло?.. Долго были мы врагами, я былъ преслѣдователемъ, ты — жертвою; но теперь все перемѣнилось. Мы смотримъ въ глаза другъ другу, мы — дѣти одной матери природы; и если мы не понимаемъ другъ друга въ нашей рѣчи, мы хорошо понимаемъ поступки и чувства наши. Теперь я понимаю тебя, какъ раньше никогда не понималъ; и я увѣренъ, что и ты понялъ меня. Жизнь твоя въ моихъ рукахъ, но ты уже не боишься меня. Мнѣ разсказывали про одного оленя, который, будучи окруженъ собаками, бросился къ охотнику и искалъ у него защиты, — и охотникъ спасъ его! Такъ и я много дней преслѣдовалъ тебя, а теперь ты можешь безъ страха стоять передо мною. Никогда рука моя не поднимется, чтобъ убить тебя. Мы—братья, прекрасное созданіе, только я старше и сильнѣе тебя. И если бы сила моя могла всегда оберегать тебя, ты никогда не зналъ бы опасности.

„Ступай, безъ страха броди по лѣсистымъ холмамъ, — никогда болѣе не стану я преслѣдовать тебя съ волчьимъ чувствомъ въ груди, съ жестокостью и алчностью дикаго звѣря. Чѣмъ больше я узнаю жизнь, тѣмъ ближе становишься ты мнѣ,

и я не могу болѣе смотрѣть на тебя, какъ на добычу, какъ на лакомый кусокъ мяса.

„Ступай спокойно, безъ страха.

„Никогда болѣе намъ не придется встрѣтиться. Но если бы ты могъ почаще смотрѣть въ мои глаза,—я знаю, что все звѣрское исчезло бы изъ моей души, и я глубже заглянулъ бы въ великія таинства природы.

„Никогда болѣе не придется намъ встрѣтиться. Прощай!"